

ЗАПАДНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Вопрос о т. н. Западном Православии, хотя оно и представляет собой церковно-историческое явление, имеющее свои специфические черты, однако неразрывно связан с более общим вопросом о Православии на Западе, являясь его составной частью. Поэтому прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о Западном Православии, нужно много сказать о появлении вообще Православия на Западе, о знакомстве с ним через живых представителей, через идеи его современных носителей, через искусство: церковное русское пение и старинную русскую икону как с конкретным, а не только историческим явлением.

Западный мир впервые познакомился с Православием в лице русских священников, обслуживавших наши посольские церкви в столицах Западной Европы, в середине прошлого века, а также и храмы, которые строились на частные пожертвования во многих курортных местах, куда съезжались на сезон, а также и проживало более длительное время много русских людей. Среди этих курортов нужно упомянуть: Ниццу, Канны, Биариц, Баден-Баден и друг., а полный перечень заграничных храмов, основанных в Западной Европе, можно найти в книге «Русская Православная Церковь», изданной Московской Патриархией в 1958 году.

Среди православных храмов, разбросанных в Западной Европе, кроме русских, имелось немало и греческих, но духовенство последних сделало ничтожно мало, чтобы не сказать ничего, для ознакомления западного мира с Православием, ограничиваясь внутренней национально-церковной жизнью эллинских колоний, подчас даже весьма значительных и состоятельных в финансово-экономическом отношении.

Впоследствии, вслед за русскими и греческими посольскими храмами, во многих западноевропейских столицах стали появляться и румынские.

Если уже говорить о роли представителей Православного Востока в деле ознакомления Западной Европы с Православием, то здесь скорее можно считать, что весьма многое было сделано представителями восточных Церквей, подчиненных Папе Римскому. Как известно, параллельно православному Антиохийскому Патриархату существует и католический, который отличается от первого только своим подчинением Папе Римскому, а во всем остальном сохраняет свои обряды и экономическое устройство. Подобно ему, существуют и другие восточные Патриархаты и Епархии, подчиненные Папе Римскому и сохраняющие свой церковный язык, обряд и обычаи. Рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данного исследования. Однако можно указать, например, на существующий в Париже приход Св. Юлиания Бедного, католического Антиохийского Патриархата, заботами которого было издано на французском языке чинопоследование Божественной Литургии Св. Иоанна Златоустого, вечерни и Акафиста Божьей Матери, что способствовало ознакомлению французской публики с богослужениями восточной Церкви.

Во всех вышеуказанных случаях существовавших прежде посольских храмов речь шла только об удовлетворении религиозных потребностей посольских и консульских чиновников или членов колонии православного исповедания, той или иной национальности, более или менее постоянно проживающих на территории данного иностранного города или соседних местностей. Ни о каком подлинном знакомстве с Православием в этот период времени еще говорить нельзя, и тем более о влиянии его на окружающую католическую или протестантскую среду. О Православии тогда судят еще только по школьным учебникам, в которых говорится о «Греческой схизме» как о церковном событии в некотором смысле аналогичном протестантскому движению в Европе, нашедшему свое выражение, конечно, скорее

в англиканской, чем в лютеранской Реформации.

Положение изменяется, когда с одной стороны появляются такие замечательные посольские священники, как в Берлине прот. Мальцев, прекрасно переведшие последование полного круга православного богослужения, а в Париже прот. Васильев, хорошо переведший краткий православный молитвослов, в предисловии к которому он пишет, что указанный перевод предназначается не только для православных, приезжающих во Францию и не знающих церковнославянского языка, но и для инославных, которые все более и более начинают проявлять интерес к Православной Церкви, а с другой стороны, когда появляются такие замечательные православные мыслители и богословы, как Хомяков, многие произведения которого вышли в оригинале на французском языке, или как Владимир Соловьев, который, хотя в своих исканиях церковной вселенскости и приходит к католичеству, но восприятие последнего мыслится им уже не как некое увлечение утонченным блеском церковной культуры (что имело место в отношении целого ряда представителей нашей аристократии XIX века, принявших католичество латинского обряда и сделавшихся иезуитскими монахами, как Гагарин, Печорин, Волконский и др.), а как осуществление вселенского единства под главенством Папы Римского, но с сохранением поместных Патриархатов, т. е. восприятие канонической власти Папы в ее собственно папском разрезе, так как Папа Римский имеет в себе четыре атрибута юрисдикции, которые последовательно включаются друг в друга наподобие концентрических кругов.

В самом деле, согласно канонам Римской Церкви, Папа является одновременно: 1) Епископом г. Рима, 2) Примасом Италии, 3) Патриархом Западной Церкви и 4) Папой, т. е. главой Вселенской Церкви.

Таким образом в отношении Восточных Православных Церквей, если бы они пожелали воссоединиться с Римом, власть Римского Первосвященителя распространялась бы лишь в его качестве Папы, а не Патриарха, и поместные патриархи продолжали бы избираться и ставиться на свои престолы, но только утверждались бы и подчинялись Папе, который стоял бы над ними не как первый среди равных, а как Глава всей Вселенской, являясь Наместником невидимого Главы ее: Христа.

В своем труде «Россия и Вселенская Церковь», вышедшем по цензурным соображениям царского времени на французском языке, Владимир Соловьев именно и мыслит вселенскость Церкви как гармонию, в которую Россия со всей своей культурой и церковной преемственностью от Византии, должна сделать свой капитальный вклад. Владимир Соловьев, как известно, присоединяясь к Католической Церкви, продолжал не только мыслить, что остается, но действительно оставался в Русской Церкви и перед своей смертью исповедовался и причастился у русского священника.

В нашу настоящую задачу не входит делать критический разбор идей Владимира Соловьева, но говоря о нем, нужно отметить, что его стремление обрести утраченное единство христианского мира, пошедшее по пути увлечения католичеством, что даже само это влечение, соединявшее в себе полное сохранение восточного обряда и восточных церковных традиций, способствовало во многом развитию течения Римской католической Церкви в пользу воссоединения с Православной Церковью, конечно, под эгидой Папы, но с сохранением восточного обряда, устава и поместных канонов.

Говоря о благоприятной эволюции со стороны Римской католической Церкви в смысле признания за восточными Церквями полной законности и ценности их обрядов и традиций, нужно отметить большую в этом роль, сыгранную Папой Львом XIII, издавшем свою знаменитую энциклику в 1894 году.

Попутно нужно здесь заметить, что частое отсутствие координации действий

во взаимоотношениях различных Православных Церквей продолжало и продолжает давать повод Риму утверждать, что имеется Единая Православная Церковь, а Православные Церкви, иногда во многом не согласные между собой, а подчас и ведущие пререкания по вопросам общего характера, как, например, по Афонскому. Поэтому Рим в отношении каждой отдельной автокефальной Церкви старался принимать подходящие для нее меры, приспосабливать к национальным обычаям и традициям данной страны.

В том, что касается англиканской Церкви, то, как известно, в лице одного из течений своего правого крыла: т. н. Высокой Церкви, она давно поддерживала и постепенно углубляла свои дружеские отношения с Православной Церковью, и в частности, с русской. Здесь нет надобности говорить о всех имевшихся контактах и встречах между представителями этих Церквей, сведения о которых можно почерпнуть из вышеупомянутой книги «Русская Православная Церковь», но нужно заметить, что основная цель, которой добиваются англикане при всех обстоятельствах в отношении с Православной Церковью и с Римско-Католической, это признание в действительности англиканских рукоположений.

Если таково было положение в деле отношения Запада Православной Церкви и степени знакомства с нею до первой мировой войны, то после этой войны и Октябрьской революции указанное положение и еще более эволюционирует в сторону сближения и ознакомления с Православной Церковью.

Оказавшиеся значительные массы русской эмиграции в разных странах Западной Европы, устраивавшие повсеместно свои храмы или молитвенные дома; тот факт, что среди эмиграции оказалась религиозно-философская и богословская элита, прот. Сергей Булгаков, Н.А. Бердяев, прот. Георгий Флоровский, А.В. Карташев, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, В.Н. Ильин, С. Франк, Степун и др. (основная в первые послереволюционные годы в Берлине, а потом в своей основной части переехавшая в Париж, не говоря уже о том, что Париж стал центром интеллектуальной, а следовательно, и церковной русской эмигрантской жизни); тот факт, что в Париже в 1925 г. был основан русский Православный Богословский Институт, в котором стали преподавать очень многие из указанных лиц; тот факт, что храм Сергиевского Подворья, на территории которого был устроен этот Институт, был заново переделан из бывшей протестантской кирхи и расписан в Новгородском стиле известным художником Стеллецким, который тем самым наглядно знакомил иностранцев с русской древней иконографией, интерес к которой тогда пробудился и теперь все больше и больше растет, равно как и уставное пение древних русских распевов заведенные в этом храме; восстановление в Париже существовавших до революции 1917 года под председательством будущего патриарха Сергия религиозно-философской Академии: установление других отношений с передовыми католическими и протестантскими кругами в лице, например, знаменитого католического философа и богослова Жака Маритэна, возглавляющего повсеместно принятую в католическом мире философскую школу т. н. «неотомизма» (т. е. философии Фомы Аквинского)*.

* Так, например, тогда был устроен франко-русский кружок, собиравшийся на квартире Маритэна, в который входили русские католики, духовные и светские люди, в т. ч. Н.А. Бердяев, В.Н. Лосский и друг. Цель его была: взаимное ознакомление с церковной историей и типами святости России и Франции. В этом кружке однажды был сделан доклад о преподобном Серафиме Саровском, а в другой раз о почти современном ему французском святом — Кюре д'Ар.

Все это, естественно, способствовало углублению знакомства Запада с Русским Православием, не в количественном только, но и в качественном

отношении. Недаром можно было в это время услышать от одного из авторитетных представителей католических кругов, занимающихся вопросом Православия, что когда речь идет о Православии вообще, то это на 90 процентов нужно относить за счет русского Православия, что же касается Православного Востока со всем его великим прошлым, явившим миру Отцов Церкви, то — к сожалению и увы — это всего лишь археология.

Однако в это время создается довольно парадоксальное положение в том смысле, что при неуклонном росте авторитета Русского Православия, сама Русская Православная Церковь, которая его поразила, от которой оно исходит, в это время как бы почти исчезает с мировой церковной арены, и голос ее почти перестает быть слышен.

Тогда как в этот период общецерковная жизнь в ее мировом появлении развивается не только в области мысли, не только в области социальных или чисто духовных исканий, но и в области организационной, где должна проявлять уже церковная власть и иерархия, голос ее, который слышится со всех сторон, кроме как со стороны Русской Церкви...

Эпоха середины 20-х годов этого века характерна для церковного западного сознания (как католического, так и протестантского) чувством раздробленности, разобщенности христианского мира в его целом, сознанием всеобщей ответственности за несоблюдение Христовой заповеди: «Да все едины будут!».

Представители того или иного христианского вероисповедания, не отказываясь от утверждения догматической правоты той Церкви, которой они сами принадлежат, однако меняют самодовольное сознание своей правоты, которое было присуще их отцам, на сокрушение о том, что их предки ввели многих в соблазн и многих оттолкнули от этой правоты, а сами они, их потомки, продолжают идти по тому же пути.

С другой стороны, перед лицом отпада многих людей вообще от всяких религий ставится вопрос об ответственности за это Церкви, в широком смысле этого слова. По этому поводу вспоминается, как опыт жизни первых христиан, так и хозяйственно-этические взгляды Отцов Церкви.

Эти поиски христианского единства и претворение Христианства в конкретно ежедневной реальности не только индивидуального порядка (стояние человека перед лицом Божиим), но и социального (нормы христианского поведения в обществе, в общегитии, в труде, во всех проявлениях сложной современной жизни), находят свое выражение в появлении — в англиканско-протестантском мире — экуменического движения, поведшего по пути искания путей восстановления христианского церковного единства на основе имеющегося уже минимума общности между всеми христианскими вероисповеданиями, которым является вера в Пресвятую Троицу, и, следовательно, признание БОЖЕСТВА ГОСПОДА НАШЕГО И ИИСУСА ХРИСТА, и по пути поисков осуществления в социальной жизни норм христианской этики.

В Католической же Церкви эти искания христианского единства и справедливости находят свой отклик в ряде энциклик Пия XI, который, продолжая заветы Папы Льва XIII, призывает работать на воссоединение с «отделившимися Восточными Церквами» и разрабатывает основы социального учения Католической Церкви.

Категорически отказываясь от участия в экуменическом движении по той причине, что это явление протестантского характера, ставящее под сомнение веру в то, что только Католическая Церковь является обладательницей истины во всей ее полноте и низводящее поэтому ее на степень одной из многих ветвей разрозненного христианского мира, она, однако, умножает призывы к усилению работы внутри самой Католической Церкви по воссоединению с «отделившимися Восточными

Церквами» и предлагает создать т. н. «унионистское движение».

В ответ на призыв Пия XI, обращенный к Бенедиктинскому Ордену в марте 1925 г. с предложением основать монастырь, целиком посвященный делу воссоединения, в Бельгии была основана в начале 1926 г. монашеская община, поставившая себе таковую цель. Поставленная под контроль Священной конгрегации по иностранным делам и утвержденная Генеральным Капитулом настоятелей бенедиктинских монастырей, заседавших с Рима с 1-го по 15-е октября 1925 года, она временно заняла помещение женского монастыря в г. Амей-сюр-Мез (Бельгия), а спустя несколько лет переехала в г. Шавтонь, находящийся в той же Бельгии, где имеет свое пребывание и поныне.

С 1-го апреля 1926 года этой монашеской общиной стал издаваться прекрасный журнал под названием «Иреникон» (от греческого слова Ирен Мирный), продолжающий выходить и до сегодняшнего дня и получаемый регулярно Московской Патриархией.

Помимо статей, трактующих вопросы соединения Церквей и знакомящих с историей, литургикой, иконографией и каноническими особенностями Православной Церкви, а также с жизнью и проблемами Англиканской Церкви, этот журнал отводит значительное место хронике мировой церковной жизни вообще и особенности жизни православных церквей, стараясь сохранять благожелательную объективность. Главная же цель журнала — это создание атмосферы симпатии и понимания по отношению к «отделившимся братьям». Ибо прежде чем думать о возможности официального юридического воссоединения, нужно, по словам этого журнала, «реализовать духовное примирение умов и сердец».

В своих статьях этот журнал не только разъясняет, что католики латинского обряда, полностью сохраняя свой западный обряд, в котором они выросли и воспитались, должны, однако, ценить и уважать обряды Восточной Церкви, которые столь же, если не еще больше, древни; что единство Вселенской Церкви осуществляется в многообразии и что разница в обрядах между Западной и Восточной Церквами не должна нарушать их единства, как это имело место до разделения Церквей; что только на этом пути должно зиждиться церковное единство Востока и Запада, а не на гибридном смешении западных и восточных традиций, что имело место в прошлом, при организации униатства с его латинизацией восточного обряда, ошибки чего нужно признать вместе с Папой Львом XIII; что, согласно словам Папы Бенедикта XV: «Церковь Христова является ни латинской, ни греческой, ни славянской, но что она кафолична; все ее чада одинаково равны перед ней, будь они: латинянами, византийцами, славянами или принадлежащими к любой другой нации, и все они занимают равное место по отношению к Апостольскому Престолу».

Призывая уважать восточные обряды и традиции, «Иреникон» не ограничивается только признанием их законности, но приглашает западных католиков многому поучиться у восточных христиан. Так, например, в первом же номере «Иреникона», вышедшем в апреле 1946 года, была напечатана под красноречивым заголовком «Запад должен поучиться у Востока» обширная статья, посвященная вопросу о чине празднования Пасхи, принадлежащая перу настоятеля новообразовавшейся вышеупомянутой общины и, следовательно, перу редактора этого журнала, ученого литургиста дома Ламберт Бодуэна. В ней он говорит о духовном переживании у нас этого «Праздника Праздников и Торжества из Торжеств», о том, что западные католики многое растеряли из этой духовной сокровищницы и должны вернуться к тому, что было их литургическим достоянием в древние времена: поставить Пасху в центр своего годового, недельного и ежедневного круга богослужений.

Вообще, в том, что касается литургической жизни, католики признают за

большую заслугу то, что Православная Церковь, и в особенности Церковь Русская, сумела сохранить и пронести через века неповрежденным свой богослужебный круг.

Здесь нужно сказать несколько слов о т. н. «литургическом движении на Западе».

Дело в том, что западное богослужение во всей его совокупности (будь то последование мессы, вечерни и др.) на протяжении веков претерпело ряд сокращений, а древнее унисонное Григорианское пение постепенно заменялось итальянской полифонией светского оперного типа.

Против этого литургического декаданса, осознав всю его пагубную духовную сущность, вносящую обмирщвление в Церковь, восстал настоятель Бенедиктинского Солемского Аббатства — дом Ламберт Бодуэн. Его движение перекинулось в Баварию (Бейронский монастырь, Австрию, Италию, Англию, даже к англиканам), во все европейские страны, за исключением, кажется, Испании и Польши. Цель этого движения — показать, что богослужебная, литургическая молитва не является только средством достижения благодатных даров, но что она сама в себе цель, т. к. является преддверием, начатком жизни будущего века, что это «Небо на земле».

По истории литургического движения лет 12 тому назад вышла книга Бенедиктинского монаха Руссо, в которой целая глава отводится Православной Церкви, ее богослужебной, благодатной жизни.

Вслед за унионистской акцией получившие развитие в среде Бенедиктинского Ордена, таковая же акция начинает осуществляться и доминиканцами. В 30-х годах создается т. н. Центр «Истина», также издающий журнал под тем же названием и занимающийся переводом православных богослужебных текстов. Во главе этого центра в журнале стоит доминиканский монах Христофор Дьюмон, возведенный в сан архимандрита (ныне Епископ) и совершающий богослужения по восточному обряду. Он был назначен настоятелем Русской Католической Церкви восточного обряда в Париже, а ныне является уполномоченным лицом Папой Иоанном XXIII для установления официальных контактов с представителями Православной Церкви.

Все, что было сказано выше, в достаточной мере показало, как постепенно на Западе начали знакомиться с Православием, признавать законность его обрядов и традиций и даже большую духовную ценность того, что оно сохранило. И вот как раз на путях этого знакомства, вникая в самую сущность Православия, некоторые из католиков или других инославных проникались сознанием, что Православие действительно православно, что оно и является истинной верой.

Характерен в этом смысле пример той бенедиктинской унионистской общины, о которой говорилось выше. Действительно, трое из ее десяти основателей сами присоединились к Православной Церкви, в том числе известный Архимандрит Лев Жиллэ и Архимандрит Алексей Ван-дер-Менсбрюгге, состоящий ныне в юрисдикции Московской Патриархии и проживающий в Париже.

Для разъяснения догматической и канонической правоты Православной Церкви много на Западе было сделано, как известно, В.Н. Лосским, перу которого принадлежит книга «Мистическое богословие Восточной Церкви» и много статей о «филиокве». В своих лекциях и печатных трудах В.Н. Лосский показал с новой ясностью, что разногласие между Римско-Католической Церковью и Православной зиждется не только на исторических недоразумениях, но в том, что Римско-Католическая Церковь уклонилась от учения Отцов и Церковного Предания.

Первым видным представителем католического мира, кто присоединился к Православной Церкви, был французский священник аббат Владимир Гэтэ, известный церковный историк и автор книги «Опровержение на выдуманную жизнь

Иисуса, сочинение Эрнеста Ренана», переведенную у нас на русский язык в 1864 году. Вот что о нем пишет Тимковский в предисловии к своему переводу этой книги: «Аббат Гэтэ — один из ученийших католических аббатов. Он стоял на прекрасной дороге, ему улыбалась будущность, он сделался бы Епископом, кардиналом, как вдруг добровольно оставил предстоявшую ему карьеру и, по убеждению, принял православие. В настоящую минуту он состоит священником при нашем посольстве в Париже, помощником нашего знаменитого отца Иосифа Васильева. Имя его отец Владимир».

Среди видных лиц, присоединившихся к Православной Церкви в более позднее время и ставших православными священниками, нужно упомянуть названного выше Архимандрита Льва Жиллэ (в 1927 г.), основавшего в этом же году в Париже «православный приход французского языка» в юрисдикции Митрополита Евлогия, о. Георгия Жоанни, также служившего в эти годы в Париже и бывшего помощником Льва Жиллэ, а также уже в послевоенное время Архимандрита Ван-дер-Менсбрюгге, о котором уже говорилось.

Но все эти переходы носили индивидуальный характер. Подходя теперь вплотную к вопросу о т. н. «Западном Православии», нужно прежде всего сказать, что здесь мы имеем впервые дело с явлением массового перехода в Православие, который мог иметь место при создавшемся в это время «в климате» в отношении Православия на Западе.

Как известно, Западное Православие возникло на т. н. «Евангелико-Католической Церкви», возглавителем которой был Епископ Луи-Шарль Виннарт.

Поправки с Римско-Католической Церковью в 1919 году в свою бытность настоятелем прихода г. Вирофле (под Версалем) из-за своих антифашистских взглядов, которые однако не были протестантскими, а скорее соответствовали старокатолическим или правоангликанским, Виннарт вскоре основал свою собственную Церковь, получившую наименование «Евангелико-Католической».

Помимо возглавляемого им прихода в Париже у него еще был приход где-то во французской провинции, а также в Амстердаме и Брюсселе. Духовенство его и пасомые состояли не только из бывших католиков, но и из бывших протестантов, бывших неверующих и других элементов, привлеченных силой его проповеди и притяжением его несомненно яркой личности. Так, его ближайшим помощником был священник Лукьян Шамбо, по матери англичанин и крещенный в Англиканской Церкви, — ныне известный Архимандрит Дионисий.

В деле присоединения Виннарта к Православной Церкви, несомненно, большую роль сыграло Фотиевское Братство, которое в лице, главным образом, Евграфа Ковалевского и В.Н. Лосского познакомило его с учением Православной Церкви.

С другой стороны, его самостоятельная работа над собой, его чтение произведений Хомякова, Сергия Булгакова (книга которого о православии вышла в оригинале на французском языке) и Бердяева, привели его к убеждению, что его взгляды очень близки к православным.

Этому же способствовало и его сознание, что после его смерти община его распадется, не имея ни прочной основы, ни должной обеспеченности преемства.

Однако, если в плане догматическом он сознавал свою близость к православию, то в плане обрядовом восточный обряд и традиции как ему самому, так и его духовенству и его пасомым казались чужды и экзотичны.

Вот почему, приняв решение присоединиться к Православной Церкви, он хотел это сделать, сохраняя за собой право совершать богослужение по восточному обряду.

Его демарши в этом направлении перед Вселенской Константинопольской Патриархией, которые он неоднократно предпринимал в начале 30-х годов, не

увенчались успехом, и вот тогда через посредство Фотиевского Братства он решил обратиться в Московскую Патриархию с этим же ходатайством, которое, как известно, было удовлетворено в 1936 году.

Принят он был в сущем сане священника как получивший иерейское рукоположение в Римско-Католической Церкви. Его епископство как сомнительного преемства за ним не было признано. Условием его преемства была также аннуляция его брака с Ивонной Виннарт, как имевшего место уже после его иерейского рукоположения, но без наложения эпитимии, так как этот брак соответствовал каноническому положению, принятому в его Церкви.

Кроме того, чинопоследование его литургии на французском языке подверглось исправлению в том смысле, что в нее был внесен эпиклезис, и причащение было предписано совершать под двумя видами, но без лжицы.

По своем присоединении к Русской Православной Церкви Виннарт был пострижен в монашество с наречением ему имени Ирimea и тотчас же возведен в сан Архимандрита с оставлением его возглавлять, как и прежде, его церковную общину. Вскоре после этого он скончался, да и в момент присоединения был уже на одре тяжелой неизлечимой болезни.

Присоединение его духовенства к православной Церкви, а также большинство его пасомых, совершил специально приехавший для этого в Париж митрополит Елевферий, литовский и виленский, как управлявший в то время приходами Русской Православной Церкви в Западной Европе.

Вскоре же после присоединения группы Виннарта к Православной Церкви в ее среде начались нелады, объяснимые многообразными причинами.

Во-первых, присоединяясь к Православию, большинство прихожан Виннарта не было к этому в достаточной мере подготовлено, а пошло на этот шаг исключительно из-за личного послушания к покойному Архимандриту Ирimeo. Поэтому произошли, само собой, многие случаи отпада. Во-вторых, его священники Голландии и Бельгии оказались людьми недостаточно серьезными, а даже авантюристами. В-третьих, новорукоположенный священник Евграф Ковалевский, находя, что Виннартовская литургия далеко не совершенна, начал ее самовольно исправлять, вызвав тем недовольство со стороны Архимандрита Дионисия Шамбо, но пользуясь в своей деятельности поддержкой со стороны бывшей супруги Виннарта, которая считала, что в лице о. Евграфа Ковалевского она видит более достойного преемника продолжения, как она говорила, дела монсиньора Виннарта, чем Архимандрит Дионисий Шамбо. В-четвертых, ввиду того, что последователи Виннарта не поддавались точному учету и носили характер менее прихожан, чем его неопределенных почитателей и читателей издаваемого им журнала «Духовное единство», который проповедовал довольно неясные экуменические идеи о всеобщем соединении Церквей и даже религии.

Все это привело к тому, что от общины Виннарта осталось два прихода. Один, возглавляемый Архимандритом Дионисием Шамбо, и другой, вскоре основанной о. Евграфом Ковалевским.

Несмотря на количественно небольшие результаты, полученные от Указа Московской Патриархии от 1936 года, об учреждении французской общины Западного Православия, этот Указ имеет большое значение в том смысле, что им был провозглашен принцип о том, что Православная Церковь является Вселенской, а не только Восточной Церковью, и что разнообразие ее обрядов не должно ни в коей мере быть препятствием к ее догматическому единству и евхаристическому общению различных в обрядовом отношении ее частей.

Н. Полторацкий

Одесса,
6-го марта 1960 г.